

Оригинальная статья

УДК 16

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-5-17>

Науки о человеке: еще один опыт обоснования социогуманитарного знания

Ольга Васильевна Плебанек

*Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС,
Санкт-Петербург, Россия,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Введение. Поднимается проблема методологических оснований социогуманитарного знания. Установившееся со времени конституирования социальных и гуманитарных наук мнение о том, что существуют принципиальные различия в методологии естественно-научного и социогуманитарного знания стало восприниматься как аксиома. Такое положение не способствовало созданию адекватной теории, которая могла бы в достаточной мере реализовать объяснительную и прогностическую функции науки в этой сфере.

Методология и источники. Препятствиями в создании адекватной методологии исследований человеческого бытия является неверно понятый тезис о специфике социогуманитарного знания и неадекватное понимание природы его объекта. Единство критериев и стандартов научного исследования в естественных и социогуманитарных науках достигается на базе постнеклассической модели науки. Источником нового подхода к формированию методологии социогуманитарного знания может служить концепция научных парадигм, разработанная В. С. Степиным.

Результаты и обсуждение. Классическая модель научного исследования полагала противоположность метода естественных и социогуманитарных наук на основании противоположности способов освоения объектов исследования: чувственными средствами и интеллигибельным. На этом пути, действительно, невозможно совмещение критериев и стандартов науки применительно к естественно-научному и социогуманитарному исследованиям.

Заключение. В основе постнеклассической модели науки лежит понимание исследовательского объекта с точки зрения его структуры. Это позволяет рассматривать феномены человеческого бытия как обладающие единой природой с объектом естествознания, так как они имеют сложную системную природу и относятся к саморазвивающимся объектам.

Ключевые слова: методология, социогуманитарные знания, номотетизм, феноменализм, постнеклассическая парадигма, системность, апофатический подход

Для цитирования: Плебанек О. В. Науки о человеке: еще один опыт обоснования социогуманитарного знания // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-5-17.

© Плебанек О. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Human Sciences: Another Experience of Substantiating Socio-Humanitarian Knowledge

Olga V. Plebanek

*University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Introduction. The article raises the problem of methodological foundations of socio-humanitarian knowledge. The opinion that has been established since the constitution of the social and humanitarian sciences that there are fundamental differences in the methodology of natural science and socio-humanitarian knowledge has become perceived as an axiom. This situation did not contribute to the creation of an adequate theory capable of sufficiently implementing the explanatory and predictive functions of science in this area.

Methodology and sources. Obstacles to the creation of an adequate methodology for the study of human existence are misunderstood thesis about the specifics of socio-humanitarian knowledge and inadequate understanding of the nature of the object of socio-humanitarian knowledge. The unity of criteria and standards of scientific research in the natural sciences and socio-humanitarian sciences is achieved on the basis of the post-non-classical model of science. The concept of scientific paradigms developed by V.S. Stepin can serve as a source of a new approach to the formation of the methodology of socio-humanitarian knowledge.

Results and discussion. The classical model of scientific research posited the opposite of the method of natural and socio-humanitarian sciences on the basis of the opposite of the methods of mastering the objects of research: sensory means and intelligible. In this way, indeed, it is impossible to combine the criteria and standards of science in relation to natural science and socio-humanitarian research.

Conclusion. The post-non-classical model of science is based on the understanding of the research object from the point of view of its structure, which allows us to consider the phenomena of human existence as having a single nature with the object of natural science, since in both cases, objects have a complex, systemic nature and belong to self-developing objects.

Keywords: methodology, socio-humanitarian knowledge, nomotetism, phenomenism, post-non-classical paradigm, system, apophatic approach

For citation: Plebanek, O.V. (2023), "Human Sciences: Another Experience of Substantiating Socio-Humanitarian Knowledge", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-5-17 (Russia).

Введение. «Оставалось только одно: заново обратиться к вещам с лучшими средствами и произвести Восстановление наук и искусств и всего человеческого знания вообще, утвержденное на должном основании» [1, с. 57], – так писал Ф. Бэкон почти 400 лет назад, неудовлетворенный состоянием дел в познании природы и общества. С тех пор многое изменилось, индуктивно-дедуктивный метод занял достойное место в ряду познавательных средств, рациональное картезианское знание обрело законченную форму, но мы опять стоим перед теми же проблемами и должны заново обратиться к познанию вещей с лучшими средствами. Дело в том, что все в этом мире, приобретая законченную форму, вместе с завершенностью приобретает и границы, а потому и ограничения.

Речь пойдет об ограничениях познавательной возможности социогуманитарного знания, связанных с интерпретационной моделью реальности, которая приобрела форму нерелексируемых мифов. Отчетливо нерелексируемость исходных положений познавательной деятельности показал Т. Кун [2], который подчеркнул иррациональный характер оснований научных исследований в понятии парадигмы. Эти допущения, которые мы принимаем как не подвергаемые сомнению и которые лежат в основе исследовательской стратегии, в случае социогуманитарного знания представляют собой препятствия для дальнейшего развития научного знания, некритично воспринятые и доведенные до своего логического завершения они разрушают научные стандарты, размывая границы научного и вненаучного.

К истокам конституирования социального и гуманитарного знания восходит миф о несовместимости естественно-научной и гуманитарной парадигм. Представления о глубокой пропасти, лежащей между естественными науками, с одной стороны, и социальными и гуманитарными – с другой, глубоко укоренены в сознании интеллектуальной общественности и являются то источником комплекса неполноценности, то причиной необъяснимой гордости. Социологи чаще страдают от осознания недостижимости идеальной модели классической науки. Гуманитарии чаще отрекшаются от строгого, но ограничивающего стандарта классической парадигмы науки. При этом ни стремление соответствовать модели естествознания (как парадигмальной классической модели науки вообще), ни усилия разорвать оковы стандарта классической исследовательской программы не привели к успеху: то, ради чего существует познавательная деятельность – прикладной ее аспект, не был реализован в такой же мере, как это удалось в естественных науках.

Методология и источники. В социологии попытки натянуть на себя одеяло стандартов классической науки ни к чему хорошему не привели: со стороны представителей естественных наук диапазон отношения к социологии колеблется от ироничного до полного неприятия стремления социологов позиционировать свои дисциплины как отвечающие критериям классического научного знания. Со стороны социологов сложилась ситуация, однажды в отчаянии определенная одним из них как «кошмар» [3] – неспособность определиться с гносеологическими основаниями собственной деятельности; в отношении как гносеологических оснований, так и прикладного аспекта познавательной деятельности – попытки построить теорию социальной реальности на основании классической научной парадигмы, ядром которой являются номотетизм, механицизм и физикализм, выразились неизбывным европоцентризмом, заложенным уже в категориальном аппарате социологии, политологии и других социальных наук. В поисках гносеологических оснований современного социогуманитарного знания мы предлагаем не отказываться от завоеванных позиций и зарекомендовавших себя подходов, но отказаться от необоснованных редукиций: от оппозиционного расчленения познавательного процесса на номотетический и идеографический методы, а взамен строить методологию на основе их диалектического единства. Такой подход предлагает современная гносеологическая парадигма, формирующаяся с последней четверти XX в., получившая название постнеклассической парадигмы науки.

Результаты и обсуждение. Постулат противоположности наук о природе и наук о духе, выдвинутый и сформулированный Г. Риккертом и В. Виндельбантом как оппозиция обобщающего метода (нахождения всеобщих законов) и индивидуализирующего (описания

уникального), в дальнейшем приобретал все больше сторонников. Надо отметить, что в дискуссиях о противоположности наук естественных и наук социогуманитарных с самого начала существовало и существует два альтернативных подхода. Механистическая картина мира в XVIII – начале XIX вв. стала общенаучной картиной мира, и первоначально социальное знание (о возможности включения гуманитарного знания в корпус рациональных наук еще речи не шло, хотя И. Кант и задал интенцию конституирования наук о ментальных объектах) формировалось именно на этом фундаменте. О. Конт рассматривал общество как особый организм и включал в свою социальную концепцию идею развития, однако он понимал социальную науку как социальную механику. Такой же позиции придерживался другой основатель социального знания Г. Спенсер, который разрабатывал идеи эволюционизма применительно к социальным объектам. Эти разработки и определили два противоположных подхода к социогуманитарному знанию: первая тенденция, восходящая к Конту и Спенсеру, настаивает на единстве принципиальных основ социогуманитарного и естественно-научного знания, а вторая, восходящая к Виндельбанду и Риккерт, определяет их как противоположные. Со временем и противоположность, и единство естественно-научного и социогуманитарного знания трактовались по-разному, но доминировала все-таки тенденция их принципиальных различий.

В гуманитарном знании ситуация сложилась еще более странная. Сначала сложность исследования феноменов человеческого бытия и продуктов человеческой деятельности средствами классической картезианско-бэконовской науки привели к созданию экзотических для рационального мышления и классического естествознания подходов, таких как феноменология и герменевтика. Теперь можно было не ставить обычной для классической науки цели – выведения законов функционирования реальности, чтобы их можно было использовать в практике. Достаточно было понять и простить. Затем невозможность реализации модели классического научного познания в исследованиях человеческого бытия стала даже своего рода предметом гордости гуманитариев. Всячески подчеркивая свою особость, они вообще дошли до отрицания необходимости логических процедур, указывая как на достоинство на отсутствие реализации прикладной прогностической функции гуманитарных наук и на то, что основной смысл гуманитаристики заключается в том, утверждал заметный в философском мире автор, что в ней «дух ведет разговоры сам с собой и для этого в качестве ораторов использует индивидов» [4, с. 137]. Эта программа в гуманитарном знании стала столь распространенной, что однажды другой известный философ, стоявший у истоков отечественной культурологии, задался вопросом: «В какой мере существующая культурология соответствует критериям научной рациональности?» [5, с. 45]. На этот вопрос гуманитарная общественность не сочла нужным отвечать.

Такое состояние социального и гуманитарного знания было следствием ряда обстоятельств, связанных не столько со спецификой (которая, конечно, есть, но слово «специфика» всегда предполагает, в первую очередь, нечто общее, а потом уж специфическое) объекта исследования (о чем речь далее) – социального бытия и духовных феноменов, сколько со спецификой конституирования социальных и гуманитарных наук. Их институционализация совпала по времени с формированием неклассической парадигмы науки. Естествознание в его классической форме возникло для обслуживания индустриальной технологии и его

потребностей, а социальные науки стали формироваться вследствие ужаса, который переживала Европа, вызванного потрясениями, связанными со становлением и расцветом этого нового порядка. Поэтому из-за поздней актуализации социальной проблематики становление принципов неклассической парадигмы в социогуманитарном знании не сопровождалось эмпирической верификацией вследствие отсутствия этого эмпирического материала, так как основной корпус дисциплин, исследующих человеческое бытие, еще не конституировался как научное знание. Первые социальные науки – экономическая теория и социология – конституируются еще в период расцвета классической парадигмы (первая половина XIX в.), когда фундаментальными основаниями научной картины мира были механицизм и физикализм. А науки, позволяющие учесть многообразие форм человеческого бытия, в том числе многообразие экономических и социальных институтов, формируются только во второй половине XIX в.

Ко времени конституирования гуманитарных наук (конец XIX – начало XX в.) новые подходы, получившие сегодня название неклассических, еще не прошли апробацию научными исследованиями и практикой, и, столкнувшись с методологическими противоречиями в исследовании иного класса объектов, гуманитариям ничего другого не оставалось как вообще отказаться от критериальных стандартов классической научной познавательной деятельности: принципа эмпирической верификации, принципа исключенности наблюдателя (объективности), принципа универсализма (гомогенности бытия). Невозможность экспериментальной проверки результатов гуманитарных измышлений казалась фатальной для конституирования как классической научной дисциплины, но необходимость в исследовании социальных феноменов подсказала методологический ход: не нужно ничего доказывать и проверять, нужно понять. Невозможен объективный анализ, так как познающий субъект сам ценностно нагружен? Тоже есть решение – не надо искать объективных законов, надо попытаться во всех тонкостях проявления описать разрозненные, но целостные фрагменты бытия. Герменевтика, феноменология, компаративистика были просто спасением для гуманитаристики, и гносеологическое обоснование не заставило себя ждать. Неокантианцы декларировали идею противоположности наук о природе и наук о человеке. Гносеологическую платформу Виндельбанда и Риккерта приняли за основу в гуманитарном знании, к ней присоединилась часть социологов (это все-таки науки о человеческом бытии!) – их концепции стали определять как неклассические, этот проект и стал основанием для конституирования гуманитарного знания, а также для неклассических концепций социологии.

К моменту конституирования социального и гуманитарного знания отказ от классической модели науки назрел и в естественных науках – на рубеже XIX – начале XX в. формируется неклассическая парадигма [6]. Но в ситуации неустановившегося этоса науки в молодых отраслях знания это быстро привело к взлету фантазийности и иррационализма. Выдумщик Фрейд не стал заботиться о доказательной базе; созерцатель Шпенглер просто отменил как ненужные ему очевидные факты преемственности, восходящей истории и системности социального бытия; Трубецкой и Савицкий сконструировали фантом, которого нет в реальности (концепт евразийства); швед Челлен придумал образ – государство, наделенное свойствами живого организма. Тенденция, заложенная Виндельбандом и Риккертом, постепенно стала доминирующей в науке, и реализация этой исследовательской программы при-

вела, помимо позитивных результатов – образования собственной эмпирической базы, которая стала возможной именно благодаря курсу на исследование специфичных форм социального бытия, ориентации на выявление уникальности феноменов, еще и к незапланированным результатам – углублению раскола между естествознанием и социогуманитарным знанием и, в конечном итоге, к размыванию критериев научности в гуманитаристике. Вместе с тем противоположная тенденция построения позитивистской платформы социальных и гуманитарных наук также не была нивелирована полностью.

Контровский посыл единого позитивного здания науки и формирования внутри него этажа социальных наук получил реализацию в становлении эмпирического метода и математизации социологии. Помимо марксистской школы, выводившей социальное бытие из материальных факторов, на этой методологической платформе формировался структурный функционализм. Т. Парсонс, один из основоположников структурного функционализма в социологии, исходил из классических трудов Г. Спенсера и построил свою социальную теорию на вполне естественно-научных основаниях, хотя и в неклассической парадигме: центральное место в его концепции занимает категория функции. Категория функции не имеет аксиологической нагруженности (если не иметь в виду постнеклассические подходы в науке), а вводимая им в социальную теорию категория культуры, т. е. ценности, как тогда казалось, является зависимой переменной. До удивленного умозаключения о том, что «культура имеет значение», а не является зависимой, американских социологов и экономистов – участников знаменитого исследования экономического неравенства стран под руководством С. Хантингтона и Л. Харрисона [7], было еще далеко.

Надо отметить, что эти идеи были сформулированы английскими антропологами Б. Малиновским и А. Рэдклифф-Брауном еще в 40-е гг. XX в. Они также придерживались объективистской модели научного исследования в социальных науках; в духе неклассической парадигмы науки они положили в основу методологии не специфику метода (как Виндельбанд и Риккерт), а характер самого объекта – не простой, однородный объект, а систему. Категории системы и функции выработанные в естественных науках и примененные в социальных науках существенно продвинули социальную теорию. Разработка Р. Мертоном концепции функции–дисфункции [8] применительно к социальным процессам была фактически перенесением метода из биологии. Достаточно вспомнить историю открытия витамина Д в 1922 г. Э. Макколумом, который установил функции этого витамина в организме методом дисфункции – исключения его (продукта, предположительно включающего его) из рациона. Э. Гидденс, один из крупнейших социологов современности (в 2007 г. занимал пятое место в списке самых цитируемых гуманитариев), указывает на «очевидную тенденцию к объективизму» структурализма [9, с. 38].

Параллельно с позитивистской традицией в социальном знании продолжает существовать и тенденция противопоставления естественных наук и наук о человеке. Углубляется раскол между областями научного знания во многом в связи с тем, что позитивистские проекты не принесли зримого результата: все попытки XX в. построить общество на научно обоснованных программах или потерпели полный крах, или не достигли запланированного результата. Анализ модернизационных проектов и их результатов дан в работах В. Г. Федотовой [10–12], которая указывает, что даже если эти проекты имели в какой-то степени

положительный эффект, то было множество побочных негативных последствий и неучтенной специфики.

В социальном знании формируется целый ряд концепций, в основе которых лежит представление о том, что социальная реальность принципиально отлична от естественной – природной реальности, что последняя может быть исследована в номотетическом поле, потому что сущность ее номотетична, а особенность первой в том, что она имеет телеономичный и субъектный характер. Индетерминизм как парадигмальный принцип объединяет концепции, популярные в различных областях социального знания: Б. Андерсон (воображаемые сообщества [13]), Р. Брубейкер (этничность без групп [14]), П. Бергер и Т. Лукман (самоисполняющееся пророчество [15]) и др. С подачи П. Рикёра убеждение в том, что «исторические события не поддаются обобщению» (из интервью в связи с изданием в России его книги [16]), кажется, распространилось на все пространство социальных и гуманитарных исследований.

Об особости социогуманитарных наук много написано (см., например, [17]), но написано уже и о том, что эта принципиальная несхожесть не такая уж принципиальная. В. А. Лекторский сводит эти различия к пяти основным положениям [18]. Статья его оспаривает все пять пунктов. Добавим, что первое положение о цели исследования (в естествознании это общие зависимости, а в науках о человеке этой целью является познание уникального единичного) гуманитарии восприняли просто на доверии к великим именам: неокантианская школа стояла у истоков гуманитаристики, но во времена Канта в XVIII в. вообще не стоял вопрос о возможности рациональных знаний о человеке, а неокантианцы не имели достаточного эмпирического материала в связи с еще не оформившимся корпусом социальных и гуманитарных наук. Неокантианцы восприняли саму интенцию необходимости знаний о человеческом бытии, но никто не мог разработать классический (для рациональной науки) индуктивно-дедуктивный метод, потому что не состоялся описательный период для социогуманитарного знания, не было и эмпирического материала. Как уже было отмечено, Виндельбанд с Риккертом вышли из положения, заявив, что зелен виноград, что это у естествознания целью научного познания является обобщение, у нас другая цель – познание уникального, единичного.

Четвертое положение о различиях между естественными науками и социогуманитарным знанием, также оспоренное Лекторским, особенно любимо критиками научно-рационального статуса гуманитаристики. Оно заключается в невозможности построения теории или ограниченности теоретического потенциала в сфере человеческого бытия. Не будем повторять доводы Лекторского, укажем, что и здесь как критики, так и апологеты социогуманитарной рациональности пошли по пути наименьшего сопротивления: если теория трудна, то откажемся от теории – сосредоточимся на индивидуальном.

Вместе с тем основания для утверждения мифа об особом статусе социогуманитарного знания есть. Но акцентирование этой особости также приобрело форму мифа. Это миф о совершенно особом статусе объекта социогуманитарного знания. В попытках справиться с препятствиями в познании феноменов социального бытия (очевидно, что и объект социального, и объект гуманитарного знания – все это феномены социального бытия) научное сообщество сосредоточилось на отличиях объекта естествознания и объекта социогуманитарного знания.

Эти отличия действительно существенны и составляют трудность для познающего субъекта. Но так ли уж они принципиальны? Труднопреодолимой особенностью наук о человеке является то, что все объекты социогуманитарного знания представляют собой целостные объекты. С этим как раз связаны трудности построения теории. Это означает, что свойства целого присущи только целому, но часть целого может этим свойством не обладать и даже скорее всего не обладает. Так, например, всем известно, что такое ментальность, она обнаруживается только как свойство популяции, тогда как отдельный индивид, представитель этой популяции может демонстрировать совсем другие свойства сознания. Однако современное естествознание вынуждено исследовать такие объекты, которые в полной мере отвечают признаку целостности, и вынуждено справляться с этой сложностью. Например, необходимость прогнозирования природных катастроф поставила нас перед проблемой исследования ледников. Понятно, что бессмысленно исследовать отдельно взятый кусок льда, не помогают даже наблюдения за языком ледника, и только исследование целостного объекта позволяет прогнозировать его динамику.

Тесно связанным с предыдущим свойством объекта социогуманитарного знания является его системный характер. Это означает, что невозможно вычленив для исследования отдельный элемент, у которого были бы причинно-следственные связи только с одним фактором (элементом). Это означает ограниченную возможность, труднопреодолимое препятствие для построения формальной теории. Так, например, деятельность предприятия регулируется не только нормативными механизмами, но и исследование связи «производитель – потребитель» (и т. д.) мало что может дать для грамотного управления предприятием. На сбыт продукции могут влиять факторы, совсем не относящиеся к ее качеству (здесь не только кошерная пища, но и совсем уж не относящиеся к самому продукту обстоятельства – например, личность и политический имидж производителя, как в случае с конфетами «Росшен»). Но и в естественных науках такая ситуация сегодня не в новинку. Никакая экологическая проблема не может быть решена вне системного подхода. Но именно на базе методологии естественных наук возник системный анализ, который широко применяется теперь именно для исследований в области социальных наук.

Кроме того, все объекты социогуманитарного знания изменчивы и в силу своей сложной организации не подчиняются строгим закономерностям, их функционирование носит стохастический, вероятностный характер, так как никогда нельзя учесть все многочисленные взаимодействующие элементы. Но и это обстоятельство характеризует не только сложный мир человеческого бытия. Сложные естественные объекты тоже подчиняются вероятностным закономерностям. В контексте изменчивости еще любят говорить, что объект социогуманитарного знания – развивающийся объект, и его текущее состояние не тождественно прошлому состоянию, а на основании знаний об актуальном состоянии некорректно делать выводы о будущем состоянии. Но такому признаку соответствуют все биологические объекты и не только.

Наконец, одно из самых сложно преодолимых свойств объекта наук о человеке – это его субъектность и телеологичность. Как человек (индивид), так и социальная группа не обязательно подчиняются объективным закономерностям, они способны ставить собственные цели деятельности. На первый взгляд, это уж точно не позволяет построить рациональ-

ную теорию. Но и это, оказалось, не является исключительным признаком объекта социогуманитарных наук. Мир техники дает нам большое количество примеров решения подобных задач: современные сложные технические системы сами способны выбирать цели и способы достижения целей. Конечно, современная робототехника еще не достигла того уровня сложности, которым обладает человек, но первые рубежи уже преодолены и ведется активная полемика, стоит ли дальше разрешать роботам действовать вне каких-либо ограничений, положенных человеком.

Итак, культивируемое мнение как у естественников, так и у гуманитариев (но с разным знаком) о том, что существуют принципиальные различия между объектами естествознания (и точных наук) и объектами наук о человеке, оказалось еще одним мифом. Все дело в уровнях абстрагирования: представления о простом, гомогенном, статичном характере объекта естествознания были редукцией, допустимой в соответствии с характером взаимодействия с этим объектом. Но как только деятельность человека становится сложной, усложняется и сам объект познания. Человеческое бытие обладает, возможно, самым высоким уровнем сложности, но это не означает, что между этими областями знания непреодолимая граница. Именно в естествознании сформированы методы, отвечающие стандартам и критериям научности (прежде всего, принципу верифицируемости, просто способы верификации уточняются и усложняются) и позволяющие исследовать сложные системные объекты, даже обладающие интенциональностью.

Говоря о принципиальных различиях наук о природе и наук о человеке, стоит напомнить, что В. Дильтей, заложивший традицию, подхваченную Риккертом и Виндельбаном, по этому поводу писал: «Нужно взять за общее правило, что деления наук должны мыслиться и проводиться таким образом, чтобы они лишь намечали или указывали различия наук, а не отсекали и разрывали их, с тем чтобы никогда не допускать нарушения непрерывной связи между ними. В противном случае науки, отделенные одна от другой, становятся бесплодными, пустыми и ошибочными, не получая питания и поддержки их общего родника» [19, с. 240]. Интерпретаторы постарались не заметить, что, обосновывая специфику «наук о духе», Дильтей встраивал эти науки в общую систему знания: «Факты духа суть верхняя граница фактов природы, факты природы образуют нижнюю обусловленность духовной жизни» [19, с. 243]. Да и Г. Риккерт не предполагал столь огромной пропасти между методом естественных наук и гуманитарных, какую проложили позднейшие исследователи. Он все же указывал, что «всякая действительность, а, следовательно, и психическая, может быть рассматриваема генерализирующим образом как природа, значит, также должна быть понята при помощи естественно-научного метода» [20, с. 72].

Становление наук о человеке связано с рецепцией естественно-научных исследовательских подходов в исследовании человеческого бытия. О. Конт сначала пишет труд, посвященный методу – «Дух позитивной философии» (1844), и только десять лет спустя применяет его к социальной реальности – «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества» (1854). Однако трудности приложения механистического подхода к сложным объектам заставили зайти с другой стороны: невозможность (или ограниченность) реализации позитивистской программы в исследовании феноменов человеческого бытия заставили обратиться к когда-то опробованному методу –

испытать апофатический подход. Эта программа бывает эффективной на предварительных этапах осмысления неисследованного объекта, отличая его от того, что уже вошло в сферу познанного (хотя бы в какой-то степени). Апофатический подход бывает вынужденным на начальном этапе познания впервые входящих в сферу исследовательского интереса феноменов, когда в силу новизны дискурсивного поля еще не сформирован и не определен понятийный аппарат для новой гносеологической области. И определение объекта «наук о духе» как принципиально несхожего с объектом естествознания было своего рода «праймериз» в познании человеческого бытия. Этот понятийный аппарат и по сей день еще не обрел свою завершенность – такие базовые категории социогуманитарного знания, как культура, цивилизация, прогресс и тому подобные, все еще являются многозначными и часто употребляются в противоположных смыслах в одном дискурсе.

Вместе с тем, с одной стороны, апофатический метод имел результат в том, что были найдены дефиниции, позволяющие определить исследуемые параметры специфического объекта (человеческого бытия); когда стало понятно, что именно возможно подвергнуть исследованию, стали выявляться детерминанты социокультурных процессов. Оказалось, что ценности, статусы, роли не только могут быть измерены, но и исследованы в номотетическом поле, и эти закономерности могут быть формализованы. Самым показательным с этой стороны – математической верификации социогуманитарных исследований – научным проектом является лонгитюд ценностей, осуществленный под руководством Р. Инглхарта, который охватил почти 50 лет (с 1970 по 2018 г., имея в виду его работу в проекте «Евробарометр» и руководство проектом Всемирного исследования ценностей World Values Survey), более 100 стран и более 90 % населения Земли [21]. С другой стороны, развитие научного метода в естествознании предложило новую систему исследовательских объектов, охватывающую и феномены естественного мира, и феномены человеческого бытия. С этой новой позиции демаркационная линия стала пролегать не в оппозиции материальное/идеальное, естественное/искусственное, а в иерархической сетке структурно организованных объектов: системы простые, сложные и сверхсложные (саморазвивающиеся). В этой системе исследовательских координат не существует принципиальной разницы между явлениями природы и явлениями человеческого бытия; существует восходящий уровень сложности. Это означает, что верификационные процедуры и методологические средства, найденные для таких объектов, являются общими для всего класса явлений, что выводит социогуманитарное знание из зоны исключительности, позволяет применить общенаучный стандарт мышления и исследовательские программы к феноменам человеческого бытия – обществу, культуре, ценностям.

Заключение. Современный этап развития науки также не довольствуется картезианскими упрощениями, так как реальность, ставшая предметом исследования современной науки, слишком сложна для картезианского метода. Катафатический взгляд на мир был важнейшим основанием классической науки и составной частью картезианского мышления. Но упомянутое упрощение оказалось серьезным ограничением в современном пространстве науки и в гносеологических потребностях цивилизации, имеющей дело со сложными вызовами, процессами и объектами. Говоря о современном состоянии науки, главный редактор журнала «Философская антропология» пишет: «Нельзя отрицать, что современная филосо-

фия, как и современная наука, в противовес катафатической модели Просвещения тяготеет к апофатике... Но можно ли говорить об универсальности апофатического метода в науке и философии? Безусловно, нет. Критики апофатического метода отмечают его провокативный и нигилистический характер, подчеркивая опасности, которые влечет за собой сам процесс деконструкции» [22, с. 23]. Социогуманитарное знание не избежало этой опасности, в своем стремлении подчеркнуть свою «особость», отличность от типичного для естествознания номотетического подхода, порожденного первоначальной неспособностью найти верный способ обобщения, оно стало превращаться в копилку мнений и позиций.

Однако картезианский метод не то, чтобы исчерпал себя совсем, в связи с проникновением науки в новые сферы бытия эти два взгляда на реальность находятся в диалектическом единстве. «Любой дискурс, – замечает исследователь, – тяготеет либо к позитивной описательности, прямому именованию, либо к апофатической указательности, негативному определению. Дискурс о чем угодно может быть построен либо катафатически – тогда он будет речью о предмете, либо апофатически – тогда он будет речью о чем-то другом, но приводящей к предмету. Сильная сторона катафатического подхода – прямота и ясность, но в том же и его слабость: когда нам рассказывают о чем-то “просто и ясно”, чаще всего мы имеем дело с упрощением и схематизацией, в которых куда-то пропадает сама вещь, о которой идет речь. Апофатика темна, это неудобный способ сообщения, но зато уж если она достигает цели, мы можем быть уверены, что восприняли что-то живое и настоящее» [23, с. 167]. В социогуманитарном праймериз исследователи выявили все отличительные особенности этой области познания, пора строить обобщения, которые позволят использовать науку по прямому назначению – отвечать на вызовы и формировать гуманитарные программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. / пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского. М.: Мысль, 1977.
2. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: АСТ, 2001.
3. Айдинян Р. М., Шипунова Т. В. Методологические тупики социологии // Проблемы теоретической социологии. 2003. Вып. 4. СПб.: НИИХ СПбГУ. С. 36–51.
4. Драч Г. В. Конститутивы культурологической теории // На пути к культурологической парадигме современного образования. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011.
5. Солонин Ю. Н., Тишкина А. Г. Культурология: возможность стать наукой // Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания: материалы второго собрания Российского культурологического общества и науч.-практ. семинара, СПб., 7–8 апреля 2008 г. / РХГА. СПб., 2008. С. 45–52.
6. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона; пер. с англ. А. Захарова. М.: Моск. школа полит. исслед., 2002.
8. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др. М.: АСТ, 2006.
9. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. 2-е изд. / пер. И Тюриной. М.: Академический Проект, 2005.
10. Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.

11. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.
12. Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2001.
14. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
16. Рикёр П. История и истина / пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002.
17. Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 37–44.
18. Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.
19. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Введение в науки о духе / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова; пер. с нем. под ред. Б. С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
20. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998.
21. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М.: Мысль, 2018.
22. Гуревич П., Спирина Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 6–25. DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25.
23. Михайлова М. Апофатика в постмодернизме // Символы, образы, стереотипы современной культуры. Вып. 7 / под ред. Л. Моревой. СПб.: Эйдос, 2000. С. 166–179.

Информация об авторе.

Плебанек Ольга Васильевна – доктор философских наук (2016), доцент (2004), профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, д. 14, ул. Смолячкова, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, глобалистика, социальная философия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.12.2022; принята после рецензирования 31.01.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Bacon, F. (1977), *Sochineniya* [Compositions], in 2 vol., vol. 1, 2nd ed., Transl. by Fedorov, N.A. and Borovskoi, Ya.M., Mysl', Moscow, USSR.
2. Kuhn, T.S. (2001), *The Structure of Scientific Revolutions*, Transl., AST, Moscow, RUS.
3. Aidinyan, R.M. and Shipunova, T.V. (2003), "Methodological dead ends of sociology", *Problemy teoreticheskoi sotsiologii* [Problems of theoretical sociology], iss. 4, NIIKh SPbGU, SPb., RUS, pp. 36–51.
4. Drach, G.V. (2011), "Constitutives of cultural theory", *Na puti k kulturologicheskoi paradigme sovremennogo obrazovaniya* [On the way to the cultural paradigm of modern education], Izd-vo SPbGUP, SPb., RUS.
5. Solonin, Yu.N. and Tishkina, A.G. (2008), "Cultural studies: an opportunity to become a science", *Innovatsionnyi potentsial kulturologii i ee funktsii v sisteme gumanitarnogo znaniya* [Innovative potential of cultural studies and its functions in the system of humanitarian knowledge], RKhGA, SPb., RUS, pp. 45–52.

6. Stepin, V.S. (2003), *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge], Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
7. Harrison, L. and Huntington, S. (eds.) (2002), *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, Transl. by Zakharov, A., Mosk. shkola polit. issled., Moscow, RUS.
8. Merton, R.K. (2006), *Social theory and social structure*, Transl. by Egorova, E.N. et al., AST, Moscow, RUS.
9. Giddens, E. (2005), *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*, 2nd ed., Transl. by Tyurina, I., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
10. Fedotova, V.G. (2000), "Typology of Modernizations and Ways to Study them", *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 3–27.
11. Fedotova, V.G., Kolpakov, V.A. and Fedotova, N.N. (2008), *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global Capitalism: Three Great Transformations], Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, RUS.
12. Fedotova, V.G. (2016), *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and culture], Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
13. Anderson, B. (2001), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
14. Brubaker, R. (2012), *Ethnicity Without Groups*, Transl. by Borisova, I., Izd. dom VShE, Moscow, RUS.
15. Berger, P. and Lukman, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, RUS.
16. Ricoeur, P. (2002), *Histoire et vérité*, Transl. by Vdovina, I.S. and Machul'skaya, A.I., Aleteiya, SPb., RUS.
17. Stepin, V.S. (2004), "Genesis of social sciences and humanities (philosophical and methodological aspects)", *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 37–44.
18. Lektorskii, V.A. (2004), "Is it possible to integrate natural sciences and human sciences", *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 44–49.
19. Dilthey, W. (2000), *Gesammelte Schriften. Bd. 1. Einleitung in die Geisteswissenschaften*, in Mikhailov, A.V. and Plotnikov, N.S. (eds.), Transl. from German ed. by Malakhov, B.S., Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS.
20. Rickert, H. (1998), *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, Transl., in Zotov, A.F. (ed.), Respublika, Moscow, RUS.
21. Inglehart, R. (2018), *Cultural Evolution. How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*, Transl. by Lopatina, S.L., Mysl, Moscow, RUS.
22. Gurevich, P. and Spirova, E. (2019), "Science in the apophatic horizon", *Philosophical anthropology*, vol. 5, no. 1, pp. 6–25. DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25.
23. Michailova, M. (2000), "Apophatics in post-modernism", *Symbols, images, stereotypes of contemporary culture*, iss. 7, in Moreva, L. (ed.), SPb., Eidos, RUS, pp. 166–179.

Information about the author.

Olga V. Plebanek – Dr. Sci. (Philosophy, 2016), Docent (2004), Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with IA EAEC, 14 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 160 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, globalism, social philosophy.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 16.12.2022; adopted after review 31.01.2023; published online 22.06.2023.*